

Nikolai Vladimirovich Krylov
Complete transcription

Часть 1

3/11/1991

Дынкин. -Сегодня, 3 ноября 1991г., Итака, Нью Йорк. Николай Владимирович, Коля Крылов, в гостях. Ну, вот, Коля, мы с вами слушали наших общих старых друзей, пришел Ваш черед.

Крылов. - Да.

Д. - Начните о корнях со своей стороны.

К. - К сожалению, я не могу так полно рассказать о своих корнях. Не то, что они какие-нибудь темные, а просто я их не знаю фактически. На самом деле несколько лет назад один из моих родственников составил родословную так. Может, Юля мне в этом поможет, может, она лучше знает. Фамилия Крылов взялась откуда-то из Ленинграда.

Д.- Ну, вот есть пара академиков Крыловых.

К. - Ну, это было в прошлом еще веке, так что эти академики ко мне не имеют отношения. А вот основная наша линия идет от каких-то священников невысокого ранга. Итак, дед, я знаю только то, что он был начальником котлонадзора, по моему, в Ивановской области, а может, в городе Иваново.

Д. - Так что Вы почти земляк Молчанова.

К. - Да-да-да. И он не то учился у, не то учил Чапаева. Вот это такая легенда есть, но точно учил Чапаева или учился у Чапаева...

Д. -Учиться у Чапаева! Я не знаю, чему можно было учиться у Чапаева. Учить, конечно, кто угодно мог в начальной школе, потому что он больше четырех классов, конечно, не кончил.

К. - Нет, они учились или он учил на каких-то высших красноармейских курсах, что ли. Но котлонадзор вряд ли имел отношение к высшим красноармейским курсам.

Д. - Ну, не важно.

К. - У деда было три сына и одна дочка. Мой отец был старшим. Один из сыновей, дядя Коля, был долгое время, 30 лет, первым секретарем Хабаровского горкома партии. Вот в то время, когда мы там были на конференции, он был первым секретарем и я к нему ходил в гости.

Д. - О-о-о! Вот видите! Никогда не знаешь...

К. - Но, тем не менее, я, к сожалению, не извлек всего положительного, что мог бы извлечь, например, получить разрешение поехать на Дальний Восток, по Дальнему Востоку походить. Получил бы свободно, конечно, это разрешение.

Д. - А Вы знаете, что оттуда поступила жалоба - может, это Ваш дядя Коля рекомендовал - и я тогда устраивал «Марковский чай» в своем номере, Вы с ... там присутствовали, Вы с японцами. Потом пришла "телега" в ЦЭМИ и там еще куда-то, что вот я вел себя недостойным образом, общался с иностранцами.

К. - Ну, я не знаю.

Д. - После этого меня не пустили, не хотели пускать даже на конференции международные в Советском Союзе. Но я так понимаю, это была первая международная конференция в Хабаровске и они как-то просто растерялись немножко. Ну, не будем уточнять.

К. - Да, а перед тем, как я встретился с этим дядей в Хабаровске, он приезжал в Москву на какие-то курсы, привез, между прочим, и в первый раз в жизни япил водку "Золотое Кольцо" - великолепная водка! - в Сокольниках.

Д. - А чем она отличается от других?

К. - Очень вкусная! И они с моим отцом встретились в моем доме через 30 лет после того, как они расстались. Они тридцать лет не виделись!

Д.- Это братья?

К.- Братья. Семья вообще, конечно, довольно удивительная. Ну, правда, отец коммунистов терпеть не мог, но с братом они встретились вполне нормально. Другой брат, дядя Миша - очень был приятный человек, к сожалению, умер от рака - был преподавателем электротехники тоже в Иваново, они все как-то связаны с Иваново. Мой отец там, в Иваново, кончил институт - был электро техник и теплотехник - и уехал в поселок Молочное под городом Вологда. Это было либо сразу после начала войны, либо буквально за неделю до начала войны. Я родился за две недели до начала войны в г. Судогда под Иваново. И мать оттуда. Вот о родственниках матери я знаю очень мало, знаю о ее братьях только, что некоторые погибли на войне, а кого-то поездом задавило, потому что у него был слух плохой: он шел по путям и его сбило поездом. Кстати, когда я родился мои родители не были женаты (но, может, в те времена это не имело большого значения) и поехали они в поселок Молочное. Поселок Молочное славен тем, что там находится Вологодский Молочный Институт. Это институт, который выпускает треть специалистов в Союзе по молочному делу. Ну и отец мой, как он говорил, выучил треть ВСЕХ специалистов страны по молочному делу! Он учил, правда, не молочному делу, а электротехнике и теплотехнике. Студенты его очень любили, но был он исключительно пристрастен к вину. Правда, дожил до 79 лет, вот недавно умер, любил заниматься спортом и, одновременно, отравлять себе жизнь или подкреплять свой организм винцом, которое выгоняло, по-видимому, каких-то микробов... Жизнь в поселке Молочном была очень неприятная: это дыра дырой, видишь спившихся людей, все время, скандалы, драки и было у меня огромное желание оттуда куда-нибудь подальше уехать и встать как можно раньше и как можно крепче на ноги. Т.е. в этом смысле, тяжелое детство послужило хорошей школой. У меня была идея стать физиком, но отец знал очень многое на самом деле и вот каким-то образом, по-видимому, под его влиянием я понимал, что для того, чтобы заниматься физикой, нужно уметь доставать аппаратуру. А для того, чтобы ее доставать, нужно быть в хороших отношениях с начальством. По-видимому, я каким-то образом уловил это от своего отца. Ну, а поскольку характер у меня был не очень покладистый, то я решил, что я вряд ли смогу с кем-нибудь договориться, и тогда решил я идти в математику, потому что там что доказал, то и доказал.

Д. - Карандаш и бумага, больше ничего не надо.

К. - Да, больше ничего не надо. Что доказал, то и доказал. Вот это вот ТЫ доказал и никто ничего не скажет. И поехал я в Университет. Поехали мы с матерью поступать. Она не решилась зайти в здание. Потому что мы зашли с главного входа, с центрального входа, а это же помпезное такое здание (мы приехали, грубо говоря, из деревни) и это так сильно давит, что... Но тем не менее, нашли, долго стояли перед этими колоннами...

Д. - Это было в новом здании?

К. - Да, в новом здании. На вступительных экзаменах я получил четверку на письменном и пятерку на устном, никакой медали у меня не было. Спрашивала меня на устном Кишкина, как сейчас помню. Потом я узнал, что о ней слава нехорошая, но на самом деле она...

Д. - Но она честный человек была, между прочим.

К. - Да, да.

Д. - Ну, она была такой человек, строгий, жесткий, но справедливый.

К. - Доброжелательный. Не надо было заваливать там обязательно, там из деревни... Как сейчас помню, она спросила, что такое абсолютная величина и я ей сказал, что это величина БЕЗ знака. Ну, у нас в школе не было такого понятия, а я перед поступлением в Университет месяц прожил в общежитии, и вот там-то я и научился всему, что я должен был бы знать перед поступлением. Тогда она попросила меня нарисовать график модуля синуса. Я нарисовал, она видит, что я...

Д. - Понимаю

К. - Знаю, что это такое, и вполне удовлетворилась. Потом нам начали читать лекции по математическому анализу, читал Крейнис. Великолепно!

Д. - Великолепно, да?

К. - В-е-л-и-к-о-л-е-п-н-о!

Д. - Я слышал разные мнения...

К. - Нет. ФАНТАСТИЧЕСКИ!

Д.- Он, по-моему, мне говорили, любил чересчур абстрактно вот этот интеграл по частично упорядоченному множеству и так далее.

К. - Ну, не знаю. Вот Вы знаете, у меня сложилось впечатление после его лекций, что любая обезьяна может выучить математику.

Д. - Ха-ха-ха.

К. - Нужно терпение. Вот что действительно нужно, - терпение. Если ты принимаешь эти аксиомы, которые естественны, то вот из них никакого полета, ну там полет мысли где-то уже за кадром или, может, не за кадром, он не главный, но тем не менее, все доказательства абсолютно четкие.

Д. - Это любопытное свидетельство, конечно.

К. - Я был просто в восторге.

Д. - А кто еще учил?

К. - Вы читали, кстати говоря, алгебру.

Д. - Ну, это было не так.

К. - Я вот даже недавно вспоминал. Я недавно стирал с доски вот здесь, в Миннеаполисе, и смотрю, там три ряда и, вот пока стирал, заметил это: нарисовано три таких ряда и нарисовано "кто возьмет последний, тот проиграл", и

я вспомнил, как в курсе линейной алгебры...

Д. - Расскажите. Я, конечно, ничего не помню. Мне интересно.

К. - В курсе линейной алгебры Вы рассказывали задачу динамического программирования. Это было очень интересно. Игра такая. Лежат две кучки спичек одинакового количества. И два игрока. Каждый может взять от одной до трёх, я не помню точно.

Д. - Я с детьми играл когда-то.

К. - И кто возьмет последнюю, тот проиграл. Сначала эта задача кажется совершенно удивительной, как играть, все варианты перебрать, но потом, когда объяснят ответ... Ваш курс линейной алгебры, кстати говоря, мне очень нравился.

Д. - Ну, поскольку Вы пошли ко мне, видимо, уж не так, не слишком было неприятно.

К. - Сначала я ведь пошел не к Вам. Сначала я был у Головина.

Д. - Угу.

К. - На самом деле я сразу при поступлении решил, что я буду заниматься вероятностью. Но, поскольку я думал, что пока еще до вероятности еще есть время, - нам вероятность еще не читали - то я посмотрю во все разные стороны, посмотрю, что хоть есть, перпендикулярно, так сказать, вероятности. И пошел к Олегу Николаевичу Головину, где он дал мне задачу придумать определения коммутаторного частного. Он хотел, чтобы все определения удовлетворяли каким-то естественным требованиям, но на любое определение я приводил контрпример, что вот такого быть не может: либо от этого откажись, либо от этого.

Д. - И Вы доказали, что нельзя.

К. - Ничего я не доказал. Я вот на все его определения приводил контрпримеры: что если такое определение, а вы хотите сохранить такие свойства, то - нет.

Д. - Он был слишком большим оптимистом.

К. - В конце 2-его курса мы сдавали алгебру и я сдавал Скорнякову. И я там получил четверку. За что? За то, что я долго думал. Меня это страшно удивило и я пошел к Скорнякову на следующий год в курсовые работники, потому что, думал, ну, наверное, быстро думают там, чему-нибудь научусь интересному... Ничему интересному не научился, там были какие-то конечные автоматы. Правда, я написал по ним работенцию. Это была моя первая работа.

Д. - А, так что? Вы в мой семинар не попали сначала? Дело в том, что большинство, помоему...

К. - Я и ходил на семинар.

Д. - Такой просеминар.

К. - Да-да. Я ходил, но предварительно... А потом вот уже на 4-м курсе я уже пошел к Вам в работники и так и продолжаю.

Д. - Ха-ха. Продолжал!

К. - Вот. На 5-м курсе я женился. И встал вопрос о распределении, а Юля была на год моложе и ей предстояло еще учиться после того, как я кончу. Поэтому мне не хотелось уехать, чтобы меня выперли из Москвы...

Д. - Да, ведь Вы не москвич.

К. - И я решил тогда завербоваться в "ящик", в кегебе. Тоже недалеко ходил: к Севастьянову и Чистякову, это отдел прикладной математики в Стекловке. Они

собирались меня взять.

Д. - Ну, это не то КГБ.

К. - Да. Но Евгений Борисович меня спас, сказавши, что "давайте в аспирантуру, а там видно будет". И действительно вышло неплохо, о чем я не жалею.

Д. - Понятно. Ну, теперь вспомните все-таки, - естественно, что я помню очень немного, но любые детали мне интересны, - что Вы помните об этих университетских годах, что за семинар у нас тогда был, какая была ваша первая работа напечатанная...

К. - Первая работа моя была, я говорю про эти,.. но она была напечатана после другой, а вторая-то работа была... Вот на 4-м курсе, когда открывался семинар, Вы давали список каких-то тем что-ли для обсуждения. Так оно и было, да. На 4-м курсе я писал работу по Марковским случайным множествам.

Д. - А-а-а. Это, как-то оказалось, было общей публикацией с Юшкевичем. Кстати, эта работа цитируется до сих пор.

К. - Слава богу, что она, так сказать, не пропала. И в процессе-то этой работы, в процессе года, я от Вас с трудом добился определения Марковского множества, ха-ха-ха.

Д. - Потому, что я его не знал, ха-ха. От меня добились? Но я думаю, Вы сами его придумали.

К. - Не знаю.

Д. - Ну, идеи какие-то были...

К. - И тем не менее, Вентцель был у меня рецензентом и мы так вполне хорошо поговорили, я его уговорил, ну, и он так доброжелательно и язвительно, но ...

Д. - Его, его обычный стиль.

К. - Кстати говоря, когда мы сдавали экзамены, мне говорили, к Вентцелю не ходить, по случайным процессам. Я как раз и пошел. Вполне н-и-ч-е-г-о!

Д. - Нет, ну он вполне честный и интересный человек, а то что он у него такой ум язвительный, так это имеет свои прелести.

К. - Да, да.

Д. - Меня он, например, публично порол много раз, так сказать, за обнаруженные погрешности, немедленно приводя контрпримеры и так далее, но я никогда по этому поводу не огорчился. Мне было приятно.

К. - Вы знаете, я давно думал на эту тему. И мне кажется, что Вентцель, в каком-то смысле, опасный человек. Я скажу, в каком. Если у вас есть идея (а так со мной и бывало!), которая незрелая, вы ее высказываете и немедленно получаете контрпример...

Д. - Ну, да.

К. - Но это не значит, что идею надо хоронить!

Д. - Ну, да.

К. - И поэтому я предпочитал делать так: сделать несколько шагов по этой идее...

Д. - Раньше, чем говорить...

К. - Раньше, чем говорить. Потому что, скажем, если я приду,.. Я понимаю(!), это необоснованно и это необоснованно, это... Но вот ответ, который мне уже нравится, я смотрю, что я его могу получить совершенно иначе, законным способом и не надо хоронить. А Вентцелю скажу, он тут же и похоронит.

Д. - Ну да, в нем, конечно, такой разрушительный немножко гений. Но он сделал некоторые вещи совершенно созидательные...

К. - Да, да.

Д. - Вроде этих самых больших уклонений и граничных условий... В общем, он все-таки внес такой совершенно классический вклад, оставил свое имя.

К. - На его защите я выступал, один из немногих, правда, на докторской.

Д. - Последний, да?

К. - Да. Говорил, что он обладает фантастической математической силой и фантастическими математическими способностями. Исключительный человек!

Д. - Ну, да... А потом все-таки тоже я, но не помню, когда направил Вас на управляемые случайные процессы.

К. - Да, это было. Вот я расскажу историю, может, Вы тоже помните. Вы читали курс по управляемым...

Д. - Я совершенно не помню, конечно. В моем возрасте, вы знаете, позабывают почти все, но кое-что помнишь, но только самое необходимое... Вот это я не помню.

К. - Вы читали курс по задачам оптимальной остановки, я думаю.

Д. - Возможно.

К. - Я не помню, было ли там управление или нет. Может быть, и было управление. Одним словом, там была вот такая ситуация. Первая консультация перед экзаменом, - она же и последняя, - задаются вопросы, а потом все вопросы кончились и Вы задаете вопрос. Задаете вопрос вот какой: что была ошибка в одной из теорем курса. Догадайтесь, в какой. А я знал одну из них, в которой была ошибка! И Вы сказали так: "Тот человек, который скажет правильно, получит пятерку. Вот сразу.

Д. - Без экзамена.

К. - Без экзамена, сразу. А дело в том, что у меня все экзамены были уже сданы и мне не нужно было.

Д. - Ха-ха.

К. - Я ждал непрерывно, пока люди высказывались, оказывается, что никто.

Евгений Борисович теряет терпение, потом я сказал. Вы говорите: "Правильно. Несите зачетку." Евгений Борисович,..

Д. - Уже!

К. - уже есть".

Д. - Я, конечно, не помню.

К. - Это была,.. да!

Д. - Вот. Но когда Вы написали первую работу по управляемым процессам? Это уже в аспирантуре?

К. - Это было на 5-м курсе. Там была такая штука, что работу по Марковским множествам я сделал, когда был в Дубне на практике после 4-го курса. А рассказывал я ее уже осенью. И Вы сказали, что этого вполне хватит для дипломной. И Юшкевич тогда же рассказывал.

Д. - Мы как-то независимо, кажется, работали,..

К. - Независимо.

Д. - но сделали вещи в какой-то степени перекрывающиеся.

К. - Близкие. Да, да. Но я хотел именно управляемыми цепями еще сделать. И вот я по ним сделал некую работенку

Д. - Там эpsilon оптимальная стратегия...

К. - И эту работу я рассказывал в Тбилиси на конференции, которая, может, была и последняя даже по теории вероятностей общесоюзная, в 1963-м году. А потом я поступил к Вам в аспирантуру и Вы хорошо, так сказать, меня, честили и студентом когда я...

Д. - Честили!

К. - Тоже язвой были не меньшей, чем Вентцель! Ха-ха.

Д. - Ха-ха. Ну, я думаю, знаете, обижаться Вам не на что!

К. - Нет.

Д. - Вот я, например, прочитал начало Вашей монографии, которую Вы мне подарили и некоторое удовольствие испытал от ясности стиля, в котором все написано.

К. - В этом Ваша заслуга тоже есть! Это заведомо.

Д. - И я почувствовал, что школа, в каком-то смысле, сказывается.

К. - Да, да.

Д. - Вот. Потом Вы, значит, во время аспирантуры занялись, по-моему, уже управляемыми... Нет, сначала были управляемые цепи,

К. - Да, да.

Д. - Потом в какой-то момент появились управляемые диффузии, но когда они появились?..

К. - Они, на самом деле, не появились. Дело в том, что надо было тогда строить процессы с плохими коэффициентами. Если управляешь процессом, то ...

Д. - Не было аппарата.

К. - Не было аппарата и, на самом деле, он не был создан в итоге, в диссертации. Но только я понял, что можно построить процессы с непрерывными коэффициентами. И это было сделано.

Д. - Ну, да. И это, в общем, в каком-то смысле, было началом Вашей такой весьма плодотворной деятельности по теории дифференциальных уравнений.

К. - Да-да-да. Пришлось выучить всё.

Д. - И даже монография, которую я только что упоминал, в общем, тоже в известном...

К. - Выросла из этого.

Д. - Стимулом были управляемые диффузионные процессы. Я помню, как Вы НАС уже учили, меня и других в ЦЭМИ, - помните этот семинар, где Вы...

К. - Я, к сожалению, помню - немножко разочарования, что ли - никого не заинтересовало это. А сидел Сережа Кузнецов, Игорь Евстигнеев - сильные ребята. Ну, вот видимо, т. е. может это и хорошо, что есть разные разделы математики, разные люди...

Д. - Нет, мы все хотим, конечно, завербовать как можно больше, но, с другой стороны, естественно, что огорчаться, что всех в одну веру мы...

К. - Тогда же Таксар там был.

Д. - Ну, да. Вы знаете, Таксар где сейчас?

К. - Я знаю. Я его видел в Нью Бронсвике, когда был на конференции. Или это

было в Шарлотте? В Шарлотте, в Шарлотте.

Д. - Возможно, не важно. Да. Ну давайте вернемся опять к более ранним временам. Помните ли Вы что-нибудь о том семинаре, в котором Вы принимали участие, в моем, я имею ввиду, на ранних стадиях? Был ли это тот такой большой семинар - по-моему, в одно время было два параллельных семинара?..

К. - Я помню, их было два, потому что я участвовал в маленьком, ну в котором, чего, например, было? Я потом с удивлением обнаружил, что мы узнавали многое из теории дифференциальных уравнений в частных производных. Принцип Максимума был! Ну, и по-моему, не было каких-то особых длинных связных тем.

Д. - Ну, да, так - кусочки.

К. - Были гармонические функции на сфере.

Д. - Да. Ну да, это я не ...

К. - Было много этого. Однажды, например, я, правда уже не помню, на каком это курсе... Да, Вы время от времени приглашали аспирантов или сотрудников. Может быть, Пятницкий-Шапиро как-нибудь был там, что-нибудь рассказывал про автоморфные функции. Что-то такое было. Я, помню такие... полосы какие-то,.. наверное, чего-нибудь куда-нибудь отображалось.

Д. - Да, вообще хорошее, в каком-то смысле, время было, ну, потому что мы все молодые были... Кроме того, в Америке это все сложнее. Вот я не могу себе представить, что я сейчас могу что-то организовать, чтобы включать автоморфные функции, потому что здесь это как-то профессионализировано, специализировано...

К. - Ну, как-то легче, действительно, и интереснее было, да. Вот. Я помню, как - я говорю, что время ото времени заведомо приходили другие люди, - вот Гирсанов как-то пришел и рассказывал...

Д. - А, ну да, это было...

К. - Ну, это была задача об оптимальном выборе невесты.

Д. - А, да-да-да! Гирсанов рассказывал?

К. - Да. Это значит было: нас сидело - аудитория, три ряда столов, в каждом, ну, наверное, столов по пять, по шесть. Аудитория была, КАК ПРАВИЛО, всегда полная.

Д. - Какие хорошие времена были!

К. - Да, да!

Д. - Сейчас такого здесь не бывает, чтобы...

К. - Да ни здесь, ни там не бывает! Если только - скажем, на семинаре Ширяева в Стекловке много народу, но они ждут от него чего-то. Мне неинтересно...

Д. - Ну да, они ждут ВАК.

К. - Мне неинтересно то, о чем говорится и... А здесь-то ходили просто студенты, а чего, какие там...

Д. - Ну да, какие там...

К. - Они уже экзамены, практически, сдали, теорию вероятностей не проходят... Нольде, например, ходил. Он был Вашим аспирантом...

Д. - Кто?

К. - Нольде Женя.

Д. - Ну да. Да, да.

К. - Меня, Моллютова и Стаса Молчанова , а был еще Нольде в одно и то же время.
Д. - Ну, Нольде как-то он... Он сделал диссертацию у меня по группам Ли. Но как-то я не знаю, что произошло с ним после этого.
К. - Я его тоже не видел очень давно. Вот, то есть, ходили люди просто из интереса. И вот, вообще, по теории вероятностей положено было бы в одном ряду из трех угадать наибольший номер на номерке от пальто, а там угадали из двух!
Д. - Понятно.
К. - Т.е. лучше, что-то мистическое еще примешалось! Можно было бы и ни в одном не угадать, одна треть - не такая уж большая вероятность.
Д. - Ну, конечно, конечно.
К. - Я вот в Лас Вегасе недавно играл...
Д. - Ах, вы играли? И сколько проиграли?
К. - Нет. Мы за две ночи с женой выиграли выиграли три доллара.
Д. - Ну, это вообще опасно.
К. - Нет, а я не namного, нет, не namного.
Д. - Знаете, это опасно - выиграть три доллара и просадить три тысячи.
К. - Нет, нет. Сначала мы проиграли двадцать, вернее не мы, а Юля проиграла.
Д. - Она азартная у вас?
К. - Ничего не азартная! Попросила \$20 разменять на коины и засунула их все в автомат. Он их все проглотил и даже спасибо не сказал. "Поморгал глазами"...
Д. - А Вы играли не на рулетке?
К. - А я уже пошел в рулетку. И вот игра именно на том, что, если видишь, два черных подряд выпало, третий черный подряд - вряд ли. Я ставил...
Д. - Но, ведь это же...
К. - Я понимаю, что стыд, но...
Д. - но вероятность...
К. - Это я понимаю, что стыдно. Но я выиграл! И отыграл один кон. Стыдно! И, более того, я выиграл еще раз.
Д. - Потому что, на самом деле, ведь там нет, наверно, ни независимости, ни ...
К. - Не-е-т! Да, наверно, есть все.
Д. - Я не уверен.
К. - Нет? Может быть.
Д. - Кто знает. Там действительно какие-то системы игры работают. Они даже запрещают... Так что, ведь мы с Вами знаем теоремы, относящиеся к идеальному случаю. Там они совершенно не...
К. - Да. Но я, если бы даже мы и остались в проигрыше... Двадцать долларов...
Д. - Ну, стоит!.. Конечно, конечно.
К. - Да, да. А рулетка, оказывается, Вы знаете, очень захватывающая игра!
Д. - Ну, еще бы!
К. - Кроме шуток.
Д. - Еще бы! Но я ни разу не играл. Вы тут меня опередили. Ира, в следующий раз мы должны с тобой... Двадцать долларов...
К. - Знаете, еще что захватывает-то? Захватывает вот что: не то, что подходишь и - поставить или проиграть. Нет. А вот смотришь, думаешь, вот поставлю на чёт. Нет, думаю, ладно - не поставлю. Не буду вообще ставить. И выпадает чёт!

Д. - Как обидно!

К. - Как обидно! Ведь мог же поставить и выиграть! При чем, это один раз, может, - обидно. Ничего! А потом поставил на чёт - и проиграл!

Д. - Еще обиднее!

К. - Потом, думаю, вот именно в этом процессе тебя затягивает.

Д. - Ну, расскажите немножко, Коля, про дальнейшую свою биографию. Значит, в аспирантуре все было благополучно у Вас и отправили Вас на кафедру или в лабораторию. Или как там было? Я уже не помню всё.

К. - Я опять же думаю о судьбе своей семьи, а жена опять-таки не москвичка и я не москвич. Из аспирантуры выходим, нам никто ведь ни прописки, ничего... Значит, мы, я собрался ехать в Новосибирск к Боровкову.

Д. - Нет, но в Новосибирск Вы точно не поехали?

К. - Я не поехал, но я туда ездил уже, мне сказали, как приезжаю, в двухкомнатную квартиру селюсь. Я был вполне счастлив и доволен. Но как раз, когда кончилась моя аспирантура, произошло ДИКОЕ расширение факультета.

Д. - Но Вас взяли же?

К. - Да. От двухсот семидесяти пяти до четырехсот человек начали принимать и первая масса хлынула, конечно, на...

Д. - Ну вот, я помню, что и Вы, и Стасик, и Миша...

К. - Да, и Малютов, да, и еще человека два, наверно, или три с нашего курса оставили на факультете.

Д. - Ну, если из пяти три были из одной группы, это неплохо, конечно.

К. - И нас...

Д. - Какой это год?

К. - Это был 1966 год.

Д. - Ну да. Это было уже время... Значит, время было хорошее. Я в это время второй школой увлекался и Вас даже, как Вы говорите, эксплуатировал, чего я не помню.

К. - Ну, это была не сильная эксплуатация. Я доволен, что Вы не помните, потому что, может быть, я там, был и нерадив... где-то.

Д. - Но я бы это сейчас оценил. А Стасик, как раз очень увлекался.

К. - Ну, вот. А Вы помните, я защитился в 66-м еще до окончания срока аспирантуры? А помните, что я у Стаса Молчанова был оппонентом? В 67-м он защищался.

Д. - По диссертации? Нет, я этого совершенно не помню.

К. - Не помните?!

Д. - Нет, совершенно не помню. Вы были, конечно, зверь.

К. - Нет, я был не зверь, не-е-т!

Д. - Нет, Вы, конечно, были не зверь.

К. - Я был... Я за пять минут заработал двадцать долларов! Нет, конечно, - рублей, но я боялся как огня. Значит, ситуация была очень простая.

Д. - Кто-то ушел, кто-то не прилетел.

К. - Нет! У Стаса Молчанова оппонентом должен был быть Скороход.

Д. - А он не явился.

К. - Он явился!

Д. - А в чем дело?

К. - Там две аудитории 1610 и 1624.

Д. - Он не нашел.

К. - Он сидел в другой! Начинается защита,..

Д. - А, теперь я смутно припоминаю.

К. - А другого оппонента нет!

Д. - А потом Скороход как-то появился из...

К. - А потом Скороход как-то появился и ему даже дали выступить. Он, наконец, разобрался, когда пришло время защищать вторую, объявляют, а там не то. Скороход видит, что он не там сидит! Он пошел гулять и-таки нашел к концу защиты... А Евгений Борисович...Надо было второго оппонента запасного, народу немного, а, к сожалению, как-то я чувствовал...

Д. - А у Вас была степень, да?

К. - Я чувствовал, к сожалению, я тут оказался! Я и не читал ничего, первый раз выступать! Тут сидят такие умные люди! Что я скажу? Ну, я чего-то повторил, там что говорили люди передо мной...

Д. - Очень интересно! Нет, я, конечно, абсолютно не помню. Вообще, удивительно, насколько забываешь вещи.

К. - Да.

Д. - Вот когда я выйду на пенсию, хорошо бы писать воспоминания, но не о чем вспоминать. Ничего не помню. Да, очень интересно.

К. - А потом, значит, я четыре года проработал на кафедре анализа, из них один год я был в командировке в Алжире. Дело в том, что нам...

Д. - Но Вы хорошо там, кстати, провели время, в смысле того, что приехали с очень крупными и интересными результатами.

К. - Ну, и...не очень... Ну, ничего так. В общем, я там время не потерял, надо сказать. Это было хорошо. Дали нам квартиру и прописку за то время, пока я отсиживался там, в Алжире. Две комнаты.

Д. - А жена... Юля, Вы тоже не москвичка?

К. - Не москвичка, да. Из-за этого часть трудностей, которые легко...

Д. - Ну, конечно. Вы могли легко, так сказать, решить проблемы, если бы Вы женились на москвичке, но Вы пошли не самым легким путем.

К. - Ну, уж, как говорится, - не выбирают!

Д. - Ну, как кто! Некоторые таки, да, выбирают. Да. Ну, а вот, говоря о более новых временах: Вы, кажется, были у Кузнецова тоже оппонентом?

К. - Вы знаете? Представления не имею! Это же вообще... Вот Вы говорите, "старческая память". Это вообще позор для меня.

Д. - Ну, Вы были или не были?

К. - Не помню.

Д. - Ха-ха.

Д. - Нет, ну Вы, во всяком случае, вспоминаете какие-то проблемы с его ссылками, но Вы могли это знать и не будучи оппонентом.

К. - Да, да. Дело в том, что Сережа Кузнецов был у меня редактором второй книги. Я с ним много разговаривал да мы и, вообще, так в хороших отношениях.

Д. - Я Вам говорил, что я его пригласил сюда, чтобы он...

К. - Да. Я помню, единственно, на защите - скорее всего, что я не был у него оппонентом. Дело в том, что на защите его, я помню, я был довольно сильно пьян...

Д. - По какому поводу или без повода?

К. - Без повода. Приезжают люди на защиту, Григилёнис поведет нас, много народу...

Д. - Ну, тогда не ...

К. - Ну, где-то там чего-то выпить, вот... Я точно что не был у него оппонентом, потому что я...

Д. - Ну, если Вы были очень пьяны, как бы Вы могли выступать оппонентом, ха-ха-ха!

К. - Ну, я уж не так уж там бешено пьян. Но я выступал и говорил, что вот хорошо, что такие результаты. Вот, что у нас есть в стране такой абстракционист, который занимается такими сложными и нудными, в общем-то, проблемами, которые заслуживали бы решения. Что же они стоят и стоят и, вообще, неизвестно...

Д. - Да. Так расскажите о Вашем, Коля, опыте заграничных поездок. Когда Вы в первый раз выехали, при каких обстоятельствах? Когда и как Вы не выезжали и при каких обстоятельствах?

К. - Опыт у меня не очень большой, но ...

Д. - По невыездам, по-моему, достаточный.

К. - Ну, это кто его знает! Я не очень даже после некоторого момента и старался выехать. В частности, когда Ито было 60 лет, он устраивал конференцию в Японии и приглашал меня с женой! Так и было написано в приглашении: все расходы оплачивает он сам у себя, в Японии. Так я это приглашение даже не показывал на факультете.

Д. - Это был какой год?

К. - Вот это я... Это легко сосчитать, зная, сколько ему лет.

Д. - Ну, не важно.

К. - И я даже не... Ну, что мне? Отнимут это приглашение, а так у меня хоть есть подпись Ито. Оригинальная. А так...

Д. - Ксерокс надо было снять.

К. - Какой ксерокс? В те времена! Вот, даже не показывал. А в первый раз я поехал за границу, для того, чтобы получить,.. чтобы купить,.. Встать на ноги на самом деле по финансам. В Алжире все же платили хорошо... Значит, я надеялся купить, и купил-таки машину на эти деньги, и пересидеть время, пока нам обещали дать две комнаты в коммунальной квартире. В Алжире мне удалось прожить год всего, хотя посылали на два-три года. С неким скандалом я оттуда вырвался через год и...

Д. - Почему же решил вырваться?

К. - А потому что хватит мне! Я заработал на машину, а я боялся оторваться от общества математического.

Часть 2

3.11.1991

Д. - Продолжайте, пожалуйста.

К. - А когда на второй год в Алжир надо было бы ехать, нашей дочери исполнилось уже три года и, оказалось, для этого возраста есть правило, согласно которому в паспорте матери должна быть фотография матери с ребенком вместе, а у нас были только отдельные.

Д. - Что, нельзя сфотографироваться?

К. - Можно, но все это занимает месяцы, в то время...паспорт и все такое. Я это уже знал в то время, когда мы приехали, но не говорил нашему инспектору до тех пор, пока нам не надо было уезжать. Когда нам стало надо уезжать, выяснилось, что я не готов, был дикий сдандал, но тем не менее я не мог ехать. И причем, не по своей вине: это было дело инспектора посмотреть, чтобы все мои документы были в порядке. Я мог вообще не знать ничего. И значит потом за границу я в первый раз кроме Алжира выехал в 1976 г. в Польшу. Это была страшная баталия. Это Банаховский центр, который посылает приглашения, ну, такая безвинная совершенная... "курица не птица, Польша не заграница", так что...

Д. - Ну да.

К. - Но тем не менее, для кого как. Прислал Банаховский центр, который организован по соглашению между Академиями Наук, приглашение в университет. Когда я принес его в университет, мне сказали: "Идите отсюда, вами никто заниматься не будет." Ну, "хороший" ответ такой. Понятно. Значит, я был в то время уже доктор наук... Ну, не будет, так не будет. Ладно. Ну, мне обидно было. Мне хотелось все-таки за границу, хоть куда-нибудь начать ездить. Слава богу, мне уже было 35 лет, ничем я перед Советской властью не провинился, в Алжире был - не сбежал, вот. А организовывал все это Ширяев, все это шло-то через Ширяева. Да и я приглашение через него, фактически, получил. Тот пошел к академику Боголюбову. Академик Боголюбов написал письмо, что Крылов такой-то, такой-то ПРИГЛАШЁН в Банаховский центр. Ну, то есть...Я принес эту бумагу в иностранный отдел. Там стали мной заниматься. Сразу. Ничего же не изменилось! Они же видели...

Д. - Не хотели.

К. - Они же видели, это приглашение в моих руках было. Ладно. Занимаются мной так, не торопясь. Я должен был уехать в январе, а в итоге я поехал в мае. Я оформляю документы, то да сё, оформил... Эти документы НЕ выходят из иностранного отдела в Академию Наук! Должны были переслать из иностранного отдела не в Академию Наук, а в Министерство. Не выходят, и все! Тогда академик Боголюбов написал еще одно письмо, в котором написано "Крылов такой-то приглашен." Ну, то же самое.

Д. - То же самое.

К. - То же самое! Я принес: мгновенно выслали в Минестерство, ну, а там был уже какой-то канал налаженный. Ну, время прошло... Автоматически. Пошел я, значит,.. поехал я в...

Д. - А у них код, наверно, какой-то есть.

К. - Ну, код... Может, точку где-то вставил там или, наоборот, запятую не там. Они понимали, что да, все нормально с этим человеком. Вот. Значит я должен был ехать на два месяца, а поехал на один месяц. Я ехал из Межфакультетской лаборатории, которая существовала в то время еще. Когда я поехал... - я оформлялся из Межфакультетской лаборатории, а когда я поехал, ее уже расформировали. Ни один из моих документов, которые потом были в министерстве, не соответствовал действительности! Ни один! То есть, все было вранье. Не по моей вине! К тому времени, к которому они подавались, все было правильно, а к тому времени, когда я поехал...

Д. - Ну да, ну хорошо.

К. - Все было чистый бред. Кстати, из Польши, когда я возвращался, -а почему-то мне первое время пересекать границу приходилось все время ночью. Как-то вот так. Может, легче брать всяких преступников ночью, - пограничник молодой на границе, глядя в мой паспорт, сказал: "Это не Вы!" Я ему говорю: "Ну, что хотите, делайте. Другим, лучше, не буду. Вот у меня только вот этот паспорт. Может, это не мой..." Ну, он пропустил. Он так... Еще...

Д. - Может, острил.

К. - Нет, он не острил...

Юля. - Он действительно мало похож на фоторафиях, на тех.

К. - Потом 1978 год пришел. Меня пригласили в Хельсинки. Тоже интересная история. Кострикин был у нас деканом и Никишин замдекана. Вот они-то и поехали. А пригласили меня и Вентцеля. Значит, начали мы...

Д. - А у них не было докладов или были?

К. - Не-е-е-т! Никаких докладов не было!

Д. - Там скажем, да бл митинги были и т.д., но это Вы не знаете наверно.

К. - Не знаю. Значит, было так. Пришло приглашение. Из иностранного отдела мне говорят: "Подавай документы". Я себе сказал: "Ничего не буду делать! В принципе, эти ваше дело. Я на себя буду писать характеристику, ходить и утверждать?... Вы на меня должны писать характеристику!" Ну, как же это так? Я на себя напишу-же хорошую характеристику! Не напишу же я, так сказать, преступник или еще что-то... Ну, потому что я знал, что меня не пустят. Куда же я, в капиталистическую страну, все же есть закон и Шираев сформулировал его довольно четко: того, кто в ПЕРВЫЙ раз едет за границу в капиталистическую страну - не пускают!

Д. - Ха-ха-ха.

К. - Ну вот есть! В первый раз в капиталистическую страну не пускают!

Д. - Второй раз можно.

К. - Второй раз можно, а в первый - нет. Ну хорошо.

Ю. - Как попадешь в первый раз, никого не волнует.

К. - И я не делал. Но потом как-то выяснилось, что на меня-таки оформили! Ну потому что дело все-таки международное и будет неудобно, наверно.

Побаивались. Так что в иностранном отделе мои документы оказались. Хорошо. Подходит лето, а мне хотелось на Селигер что ли съездить или еще куда-то, и я решил узнать у Никишина с Кострикиным, как мне, стоит ждать решения моего

вопроса? Командировка должна быть летом - конгресс-то в Хельсинки был летом - или я могу уехать? Что, безнадежно? Что я ничего не потеряю. Подхожу я к ним, к этим - они стояли на 15 этаже, как сейчас это место вижу, где они стояли - спрашиваю, стоит ли мне? Мне Кострикин говорит, что стоит. Ну, тогда я сказал себе: "Езжай спокойно на Селигер." И поехал на Селигер! А Вентцель остался в Москве, ждал. И... не дождался. А я просто по выражению лица увидел, что эти два "шахматиста" уже мне мат поставили.

Д. - Ха-ха-ха.

К. - Что я могу не волноваться за свою судьбу...

Д. - Да. А Вы что-то говорили, что на каком-то обсуждении вспоминали, что Вы были мой аспирант. Было такое?

К. - Да. Вот в какой момент, я не помню, но меня спрашивал Кудрявцев...

Ю. - Перед Италией или перед Чехословакией он тебя спрашивал?

К. - Может быть, он меня спрашивал дважды, на самом деле. Кудрявцев.

Д. - Кудрявцев - это личность...

К. - Это... Вот, как говорят, он майор КГБ.

Ю. - Иностраннный отдел...

К. - Он заведовал, действительно... Да... Такая сволочь! Вот которая...

Первостатейная, да! Это уже - высшего класса. Ну, вот он как-то меня спрашивал: "А вот вы были учеником Дынкина?"

К. - Ну, был, да.

Д. - Что ж, была такая ошибка в юности, ха-ха.

К. - Нет... И что?! Дальше... На самом-то деле ничего за этим не последовало.

Д. - Да. Ну, может, он ожидал, что Вы как-то...

К. - Что, может, я, буду каяться. Но он меня спросил - я ему ответил. И еще какой-то момент... еще какое-то произнесение звуков было, но я... не помню содержания и, во всяком случае, это не было... Был, да, и был аспирантом, но это было давно. Евгений Борисович уехал. А, он, может быть, спрашивал, переписываюсь я или нет. Я сказал, что не переписываюсь.

Д. - Связи не поддерживаю...

К. - Ну, я сказал. Чистая правда.

Д. - Да. Ну, потом как Вы? Следующие Ваши поездки?

К. - Потом, да. Потом, благодаря Роберту Липцеру я-таки попал за границу в Италию. В первый раз. Это была хитрая комбинация. А... в капиталистическую страну! На самом деле, интересно...

Д. - Венгрия...

К. - На самом деле, интересная история была с Венгрией по личному приглашению. Это было адское, вообще, оформление. Это было в 1980-м году, да?

Ю. - В 1981-м.

К. - В 1981-м году. Значит, личное приглашение, за свои деньги люди едут... Ну, не мне Вам объяснять. И причем, опять же, я же не провинился... В Алжире был, в Хельсинки уже не пустили, еду в Венгрию. Да, в Польше уже побывал. Так. Впервые, мне не выдавали анкету для заполнения. Просто я получил приглашение, прихожу в ОВИР, выдать анкету, что такое. Минут 15 меня женщина уговаривала

ехать отдыхать не в Венгрию, а куда-нибудь по Советскому Союзу. Я ее спрашиваю: "Я имею право ехать?" Она: "Имеется, но...", она мне объясняла: "Вы, скажем, давно не были у своих родителей?" Я: "Давненько." Ну, тогда... Ну, я в конце концов ей сказал: "Я на вас буду жаловаться, что вы не даете мне анкету!" Только это ее остановило. Ну ладно! Потом мы ее переделывали десять раз, эту анкету. Вот где-то что-то напечатал неправильно, ведь это же не компьютеры как здесь! Она говорит, что не так - перебрал, вот эти слова... Съездил, подписал... Последний этап был такой: я подписал все, и, к сожалению, там, значит, была характеристика написана, ну, нормально... - ну, там, пять строчек буквально характеристики - и другим шрифтом напечатано "Характеристика утверждена на заседании парткома МГУ от такого-то, такого-то". И - все подписи. Я прихожу, а она: "Другим шрифтом - не годится!" Я говорю: "Если бы..." Ну, какая логика? Что я подпечатал это после. Но люди-то, которые подписывали, секретать парткома там МГУ, он-то не подписал бы без этого. "Не знаю ничего. Делайте, что хотите!"

Д. - Ну, издевательство!

К. - Говорит: "Пусть один из этих людей, которые подписали, заверит это!" А там кто? Тропин, проректор, потом секретать парткома МГУ и секретарь профкома МГУ.

Ю. - Квитко, как-то так.

К. - Квитко.

Ю. - И за это время он покончил с собой.

К. - Сейчас, сейчас! Подожди, подожди, подожди... Вот такая была история. Ну, я пошел к председателю профкома. Ну, единственно!.. К какому Тропину, к какому проректору? Я к нему буду пробиваться неделю. Вот. А председатель профкома долго крутился, вертелся и нашел-таки зацепку: "Партийная печать" - говорит. - "Я не могу подписывать. Раз партийная печать, пусть подписывает партком!" Я - в партком. А там же, Вы знаете, накануне застрелился секретарь парткома МГУ. Прямо накануне!

Д. - Надо же! Не слышал про такую историю!

К. - Я думаю, ну, всё, всё. Ну, просто вот из-за этой глупости не поеду! Нашел в коридоре какого-то парня случайно и он по моему растерянному, такому дикому виду понял, что у меня чего-то такое, трагедия личная. Спросил. Пошел он в эту... секретарь... в какую-то комнату, взял печать, шлепнул, написал что это... там "Исправленному верить", поставил число и я ушел. Уехал! Но каких это стоило нервов, каких переживаний! Жуть! Просто себе...

Д. - Не могу себе представить.

К. - Теперь, как я попал в Италию. Вот значит, была организована конференция. Она была такая... хитрая. Это Институт Системных Исследований придумал такой Гвишиани, придумал такую систему... институт, называется Институт Системных Исследований, как будто все остальные институты занимаются бессистемными исследованиями какими-то. Вот. А этот институт - это просто кантора была для людей всяких, начальников... Им же нужно было чем-то отчитываться за свою деятельность. Одна из статей отчета была организация конференций различных. И они с итальянским одним институтом тоже организовали конференцию в Падуе, в которой было там минимум... число участников, а цель ее была вытащить меня,

Липцера (Липцер, правда, перед этим уже за границей был), ну еще Сашу Веретенникова, одного моего ученика, за границу. Вот это и была цель конференции! Там, вообще, были доклады и мы делали доклады и, скажем, приезжал главный редактор Stochastics...гм, забыл.

Д. - Ну, неважно.

К. - Значит, было много народу, так немного, но довольно много народу. Конференция была назначена на такие-то числа. Оформление заняло ровно до даты начала конференции. Ребята старались изо всех сил, чтобы показать, что... Да. Сначала меня... А-а. Я, к сожалению, в тот же год по своей глупости,.. ну, не глупости, съездил в туристическую поездку на горных лыжах покататься.

Д. - В отпуск?

К. - Да, в отпуск. В свой законный отпуск. Пришел к Кудрявцеву с этим приглашением. Он мне и говорит: "А вы же уже были в этом году!" А можно было раз в три года, между прочим, ехать за границу. Да, такие порядки.

Д. - Но не для всех, конечно.

К. - Да, не для всех. Это-то и сыграло какую-то роль. Кудрявцев при мне начал звонить начальнику иностранного отдела МГУ, а тот, когда отвечал... очень громко... И он его спрашивает, можно ли, вот профессор ездил за границу на горных лыжах кататься и опять хочет в Италию на конференцию. А тот ему: "Ха-ха-ха-ха! Смотря какой профессор!" Я, конечно, слышу. Положил трубку, ладно. Тем не менее, Кудрявцев мне говорит: "Нет, не можем!" Я говорю: "Почему?" "Потому что вы ездили уже за границу." Я говорю: "Вы знаете, если я к Гвишиани - Гвишиани был академик и, значит, он зять что ли..."

Д. - Ну, хозяин!

К. - Приду в Институт Системных Исследований и вот это объясню, меня же засмеют там! Просто засмеют. Это не аргумент." Ну, ладно. Тогда он покрутился, повертелся и начали оформлять. Но зато оформляли ровно до начала конференции. Но конференция-то была СВОЯ! Её тут же перенесли на месяц. И я уехал. То есть, я бы не успевал получить документы к началу. Эти документы только из МГУ вышли к началу конференции, а там еще Министерство! И там как ни крутись, там еще... там, скажем, две недели... А конференция всего неделю. И ее тут же на месяц...

Д. - А у вас - своя тактика.

К. - А у нас своя тактика была. Сдвинули. И вот, как Розанов сказал, благодаря тому, что я побывал в Италии и съездил в колхоз со студентами на месяц, я получил возможность поехать на конференцию в 1986 году в Беркли.

Д. - И это была Ваша первая, такая, так сказать,..

Ю. - Но на самом деле, это тоже не университет.

К. - Не университет. Это тоже не университет. Там было частное приглашение...

Д. - Частное?

Ю. - Да нет!

Д. - Да нет!

К. - Нет, нет. Там - через Академию Наук.

Ю. - Там делегация оформлялась от Академии Наук.

Д. - Но Вы ездили как делегат или как турист?

К. - Как делегат.

Д. - Ну, это уже перестройка! Мы, может этого не понимали, а они-то понимали.

К. - Может быть. Ну да, в 78-м году я тоже был... как член делегации поехал, но там мне можно было мат в два хода поставить и я, так сказать... И никто, и ничего!..

Д. - Нет, они очень остро чувствовали положение. Чувствовали эти... Знали, как держать нос по ветру. Они уже чувствовали, что какие-то перемены на верхах, что...

К. - Кстати говоря, довольно быстро после этого Кудрявцев ушел с поста вот этого зам. декана по иностранному отделу.

Ю. - Когда мы уехали на Мадагаскар, мы при нем уезжали.

К. - При нем, но, вот, скажем, через три дня после того, как мы уехали, он ушел. Что-нибудь в этом духе.

Д. - Чем еще он занимается ?

К. - Ну, он завкафедрой, по-моему. Нет? Или зав. лабораторией.....лабораторией по каким-то... кибернетики.

Д. - Он математиком считается, да?

К. - Да. Чем он занимается? Он, по-моему, то ли кибернетикой, то ли что-то связанное с этим делом. Есть такая наука.

Д. - Да, ну разное... наука. Да.

К. - Она, может быть даже и важная и полезная, но...

Д. - В Америке ее нету.

К. - Правильно. И не было никогда!

Д. - Никогда не было. Была книжка только Винера.

К. - Винера, да. Да потому что, ну что же? Наука должна иметь общие методы, общие цели, общие средства, хотя бы. А если ничего этого нет, каждая задача - это о чем-то о своем...

Д. - Да. Ну, может уж Вы, кстати, расскажите, как Вы принимали приглашение Университета Миннесоты? Тоже было все не так просто? И кто там сыграл какую роль, положительную, отрицательную?

К. - Слава богу, никто не играл отрицательной роли. Единственно, что наша почта старалась...

Д. - ...То, что Вас выперли, это все-таки...

К. - А-а-а! Я и не ожидал ничего другого, откровенно говоря.

Д. - Ну, все же... Не всех же...

К. - Да, не всех.

Д. - Не любимчиков.

К. - Не всех. Но меня, значит, уволили после того, как я уехал, через месяц. Там была... Я оставил потому что записку такую, письмо Розанову, что если меня нет возможности считать, что я нахожусь за границей без оплаты, но с сохранением места,.. да, без оплаты командировочных, но с сохранением места, то я прошу, если нет такой возможности сделать, считать меня, что я уволен по собственному желанию. Ну хотя бы статью какую-нибудь не написали бы в трудовую книжку, что бежал с трудового фронта. Дезертир!

Д. - Теперь уже Вам плевать, что они там напишут.
К. - Ну да, но там...
Д. - Может, это даже при смене власти играло бы...
К. - Плюс. Может быть. Вот. А с Мадагаскаром я... Да, когда мы второй раз собирались на Мадагаскар, мне дочь с зятем говорят, давай напишем, что ты больной, - а зять-то медик, поэтому легко было бы это сделать, - а ты давай, понимаешь, ищи дорогу за границу. Я сказал: "Нет, ребята. Это дело серьезное и требует хорошей подготовки." Там с кондачка, так сказать, ввяжешься куда-нибудь. И поехали мы продолжать Мадагаскар и оттуда я разослал письма... Я послал Варадану, Ниренбергу, Флемингу, Фридману... Пять человек получается?
Д. - А Розовскому не считается?
К. - Наверное, и Розовскому.
К. - С Розовским мы поддерживали хороший контакт, постоянный. Вот. Послал и довольно долго не было никакого ответа, поэтому я как-то так уже заскучал, но потом пришло приглашение из Чикаго. Оно первое пришло. Очень доброжелательно написано, расписан город, а мне не хотелось туда.
Д. - Гангстеры все-таки!..
К. - Там было написано, что репутация Чикаго, гангстерская, идет от двадцатых годов, а сейчас это - совершенное не то... А мне почему-то хотелось в Миннеаполис, на самом деле.
Д. - А кто Вас приглашал в Чикаго?
К. - Питер Май. Он шеф департамента...
Д. - Это очень хороший университет. Вы знаете?
К. - Хороший, я знаю. Он частный...
Д. - Он даже более, может, знаменитый, чем...
К. - Да, да, да. Они прислали список департамента, а там... мало народу. По моей специальности - никого.
Д. - Там по теории вероятностей Биллингсли.
К. - Был. Да, есть он сейчас. Но он старый...
Д. - Он еще не ушел на пенсию?
К. - Не знаю. По дифференциальным уравнениям там,.. вот если его можно считать по дифференциальным уравнениям,.. нет, может, кто-то есть еще, но вот из известных - Фефферман.
Д. - Кто? Разве он там?
К. - Фефферман.
Д. - Разве он там? Он же в Принстоне. Ну, может быть, я ошибаюсь. Ну, не важно.
К. - Я не помню, что он там. Но это и - все! А из Миннеаполиса мне тоже прислали они, - просто оффера долго не было оттуда, - какие у них есть... Мне гораздо больше он нравился. Это большой факультет, я там буду сидеть на лекциях...
Д. - Да, Институт...
К. - Там будет зависеть не от того, как я там щеки надуваю, с какой важностью буду ходить, а просто они меня знают! Я же не могу рассказать алгебраистам, какой я важный. Это я должен показать! А рассказать я не смогу.
Д. - Ну, это показать тоже довольно трудно. Надувайтесь, как хотите. Это не помогает.

К. - Да-да-да-да! Ну, уж это... Вот. Я и хотел поэтому, ну... Но потом они-таки прислали. Я был рад. Боря Розовский меня научил, что надо визу именно H1, а не J1 и все это... Много я писал вот... С Мадагаскара я получил, может быть, не так много информации, но очень существенной! Я хотя бы начал чувствовать дух какой-то. Вопросов у нас было дикое количество! Мы собирались ехать вшестером, все.

Ю. - А он просился только на 5 лет.

К. - Я просился только на 5 лет. Почему? Потому что, думал...

Д. - Боялся, что?..

К. - Нет. Нет.

Ю. - Пять лет, чтобы дети могли хоть где-то образование получить.

К. - Потому что я думал, если буду просить больше, то, может быть, нельзя! Кто их...

Д. - Нельзя где? Нельзя здесь?

К. - Здесь. Да, здесь. Ну, не возьмут! Я буду просить больше... Ну, как? Ну вот на всю жизнь - нельзя, а предложить ему меньше, может, неудобно. Он просит...

Д. - Ну сейчас какова там ситуация: Вы уже получили свой теньюр или просто?..

К. - Вот я Фейбса спрашивал (сейчас не спрашиваю) насчет теньюра, а он говорит: "Вы в теньюре!" Ну, хотя это, конечно, неправильно, незаконно, потому что у меня не было, скажем,..

Д. - Это совершенно неважно!

К. - Нет, ну, гринкарты, если нет...

Д. - Не нужно.

К. - Не нужно?

Д. - Я приехал, как Вы знаете, по H1, потому что мы заехали в Израиль повидаться с нашей дочерью и мне было обещано, конечно, с самого начала телеграммой в Москве место. Но это отняло примерно полгода. Первые полгода,.. ну что все знали, но я получил официальную бумагу от совета - это утверждает совет трастистов - примерно через полгода. Это никак не было связано с гринкарт. Гринкарту я получил позже.

К. - Угу. Ну, тогда значит, я в теньюре, хотя... такой бумаги, соответствующей, я не видел. Но он мне это говорит, а мне что?

Д. - Ну, нет, нет! Это конечно. А тут... Здесь слово - это то же самое, что документ.

К. - И причем, мы...

Д. - Больше никакого практического значения не имеет, а деньги Вам платят хорошие. Это уже значит, что они в Вас заинтересованы.

К. - С ними я со всеми в очень хороших, именно дружеских отношениях и, так сказать, шутим друг над другом, правда, у меня не очень хорошо получается, но, тем не менее отношения хорошие.

Д. - А как Вы считаете, есть ли сейчас какие центры по уравнениям в частных производных? В Америке?.....

К. - Вы знаете, откровенно говоря, я не знаю. Вот когда работаешь, вниз головой все время, то... Я не много ездил еще.

Д. - Но в Куранте Вы были?

К. - Нет, не был. Но вот, скажем,..

Д. - Ну, там Лакс, Ниренберг, Мозера, наветное, уже нет, он в Швейцарии.

К. - Он и был в Швейцарии, по-моему.

Д. - Нет, он восточный немец был когда-то.

К. - А-а-а. Юрген Мозер?

Д. - Юрген Мозер. Он зять Куранта.

Часть 3

4/22/2007

Д. - Так. Ну... Давайте начнем, Коля, с Вашей ранней истории. Вы происходите откуда-то с Крайнего Севера.

К. - Нет. Я родился-то в городе Судогда. Моя старшая дочь, правда, произносит это как Судорога. А Рафа Хасьминский проезжает, когда ездит в свою деревню, то он едет через город Судогда.

Д. - Это Вологодская область?

К. - Нет, это Подмосковье. Он говорит, что мне непременно туда надо съездить. И почему? Вот, например, там есть замечательное место, это - туалет. Это такая гора, на которую надо подниматься.

Д. - Выгребная яма там.

К. - Там - выгребная яма, раз, но и вся гора в этом там...

Д. - Заполнена.

К. - Заполнена. Поэтому когда зимой, -особенно! - то подняться туда, в общем-то даже и нельзя. Нужен, я не знаю, это как ледоруб или что-то такое.

Д. - Потому что течет снаружи.

К. - Да-да-да! И он мне говорит, я должен обязательно туда приехать! И я собираюсь.

Д. - Ну да. Но Вы оттуда уехали в...

К. - Просто буквально там мне было три месяца, может быть. И мои родители уехали в поселок Молочное, который в 16 км от Вологды был тогда. Сейчас 12, там построили новое шоссе... И 16 км до Вологды ехать было час на автобусе, причем выхлопные газы из автобуса шли прямо в автобус... Ну, мы знали о фашистах, которые душили, так сказать...

Д. - В душегубке, да?

К. - В душегубках, поэтому, ха-ха-ха, не очень сильно возражали. Но это был какой-то ужас.

Д. - Да, а вот скажите, значит, чем же занимались Ваши родители?

К. - Мои родители были преподаватели в Вологодском Молочном институте. На самом деле, отец там был, а мать преподавала в школе маслоделия. Не случайно там Вологодский, молочный, там, вологодское масло делали, маслоделие...

Правда, в самой поселке никакого масла никогда не было. Ну, Вы сами понимаете!

Д. - Ну, вывозили в Москву.

К. - Ну, конечно. Да. И только на праздники там выбрасывали... Чего-то такое. Я помню, как однажды мы с матерью сами сбивали масло. Вот как-то, на какой-то праздник нам не дали, не выбросили. А она была технолог молочной промышленности.

Д. - Она знала, как делать.

К. - Она знала, как делать. Вы знаете, я ни до того, ни после того, никогда не ел такого масла! Значит, Вологодское масло - чем славится, какие отличительные признаки? Первое, коричневого цвета, ну, такого кремowego, - раз. Второе, с ореховым привкусом! Ничего не добавлялось, никаких орехов, ничего. Просто технологи... Сколько... Она принесла с завода сливки, наверное, уваровала, может, даже и не так, может, ну - дали!

Д. - Ну да.

К. - И мы с ней взбивали. В десятилитровой бутылке и я тряс, так сказать, эту бутылку, потом выносил на мор... холод на улицу в снег на сколько-то времени и т.д., и т.д. Это было масло, которое можно было есть ложками! Ну, правда, еще время было не очень сытое. Но это было...

Д. - Тогда не заботились о размере талии.

К. - Абсолютно! Может, они заботились, но только о том, чтобы она, не дай бог, не стала размером, так сказать, этого - хребта! Там, к сожалению, в этом поселке очень много пили.

Д. - Ну, на Севере России... Да и вообще, в России...

К. - Везде, везде. Дело в том, что делать было нечего. Просто нечем было заняться. У отца была очень светлая голова.

Д. - А он что преподавал?

К. - Он преподавал электротехнику и теплотехнику. Я однажды... - конечно очень такой позорный случай в моей юности - отец принес домой модель электростанции. Значит, вы заливаете там чего-то, что-то там... Паровой котел работает, крутит мотор, мотор вырабатывает энергию и лампочка горит. Я обменял этот, эту станцию с каким парнем, который был лет, может, на десять старше меня...

Д. - А Вам сколько было?

К. - Не помню. Но он мне обещал дружбу! Ну, друж... За дружбу!..

Д. - Ну да. Но все-таки порядка десяти лет или пятнадцать?

К. - Я думаю, за десять. Не-не-не! Не пятнадцать. В пятнадцать я уже...

Д. - Умнее был.

К. - Да-да-да-да. Я думаю, может, даже, может, лет семь было, вот так.

Д. - Ну, Вас хоть отшлепал папа или нет?

К. - Да нет! Изругал изо всех сил. На самом деле, я не помню, чтобы он меня бил. Мать, действительно, порола! Это было. Зажмет голову между ногами... Вы не знаете, как это делают?

Д. - Ну... Теоретически.

К. - Теоретически...

Д. - На практике нет.

К. - И по заднице... лупила! Но... но - за дело. Это...

Д. - Ну, на слишком, наверно так! Умеренно?

К. - Ну, конечно, выживал. Да и крови никакой не было. Ну это... Но больно-то было.

Д. - Но в каком возрасте?

К. - Я думаю, лет до пяти. На самом деле, я не думаю, что позже было.

Д. - Ну, понятно.

К. - Хотя своим детям я врезал и позже. Но, но... Не порол!

Д. - У Вас только одни девочки?

К. - Девочки, да. С девочками лучше, потому что они более послушные. Они, в принципе, прислушиваются. Но иногда, так сказать, взбесятся там, что-то такое... Но все равно, я думаю, что после лет шести, пяти я все-таки не колотил. Но до этого бывало.

Д. - Ну, хорошо. Это мы отвлеклись.

К. - И чего? Ну вот, значит, я говорю. Делать-то там было нечего, пили там крепко и я решил, что мне оттуда надо бежать. Просто бежать! Я в...

Д. - В каком возрасте Вы это решили?

К. - Ну, где-то лет семнадцать было.

Д. - То есть, Вы кончали школу.

К. - Да. Ну, я сопьюсь, чего хорошего? Взял я справочник для поступающих и больше всего мне понравилась, конечно, физика. Я не знаю, конечно - не конечно... Физика. Но поскольку отец был теплотехник и электротехник и у него было какое-то оборудование, я, может быть, слышал разговоры, что чего-то там достать нельзя, там нужно... какие-то знакомства, то да сё. Я подумал, что в физике, наверно, то же самое. Что надо знакомства какие-то иметь, чтобы... приборы. И, так сказать, свернул на математику, потому что там чего ни сделаешь, все - твоё! На листке бумаги написал, - точно: больше ничего не надо. Ну, правда, бумагу... Выяснилось, что в университете, работая в Университете, бумагу надо покупать самому, все равно. Но она все-таки не такая дорогая была. Всё, сказал, поеду! А у отца был... Отец провожал меня на вокзале и Маршак. Такой был парень из Ленинграда, которого сослали, по-видимому, сослали в Молочное, потому что он потом вернулся в Ленинград. И они меня все уговаривали. Говорят: "Да поступай в наш институт! Ты только напиши заявление, тебя на руках"... Ну, во-первых, я был просто отличник. У меня была единственная тройка в аттестате, это тройка по русскому языку. Ну!.. Ну, не вышел! Как русский язык... Ну, там же... Мне бы логику какую-нибудь! А там не логика, надо запоминать чего-то такое. Не могу ничего запомнить. Я даже не мог запомнить день, когда меня должны были принимать в комсомол. Прозевал! Они говорят: "Не уезжай! Ну, куда ты поедешь? Не комсомолец - раз, не москвич, значит, тебе нужно общежитие - два!" Ну да. А в-третьих, как вам нравится во-первых, как говорится. Я уж старался... : "Я хочу из этого болота уехать!" И поехал. Значит, первое время я жил у материного брата на Чкаловской. Перед поступлением нужно было два месяца где-то жить. Ну, эти ребята... Я вот когда, сколько уж лет прожил, я бы думал, что человек, который приехал ко мне из провинции, в Москву бы поступать, - он бы жил у меня вечно! Ну, во-первых, не очень сильно мешаю, во-вторых, родственник, все-таки как-то надо помогать. А эти немножко, так сказать, нехорошо отнеслись. Сказали: "Давай-ка ты - в общежитие." Дело в том,

что если не просить общежитие, то шансов, как считалось, шансов поступить больше. И я, на самом деле, им страшно благодарен, за то, что они меня вышибли в общежитие! Мы жили в комнате - это была редкая комната в общежитии - нас было пять человек. Все пять человек поступили в МГУ! На самом деле, очень маленький процент поступал тогда. Но это была какая-то...

Д. - Ну, хорошие ребята подобрались.

К. - Да. Хорошие ребята. На самом деле, там заводилой был парень, который поступал в МФТИ, знаете, Физтех?

Д. - Да.

К. - Но не поступил! А у них экзамены были на месяц раньше. И он тогда перешел в МГУ, а он уже много чего знал и он по Маденову и с кем-то... по этому задачнику просто, так сказать,.. его исследовали вдоль и поперек. Мне это сильно помогло, надо сказать. Мне на вступительном экзамене Кишкина попросила нарисовать график модуля синуса.

Д. - Да.

К. - Что я успешно сделал.

Д. - Ну да. Понятно.

К. - Потом она спросила, что такое модуль. Я ей сказал: "Число без знака." Ха-ха-ха!

Д. - Ха-ха-ха.

К. - Ну, она, наверное, посмеялась, но получил я пять! На устном экзамене.

Д. - Ну, прекрасно!

К. - На письменном получил четверку. Очень редкий...

Д. - Там были такие задачи!

К. - Да. Это была большая редкость. Вот.

Д. - Так что приняли Вас благополучно.

К. - Да.

Д. - Но Вы до этого математикой... Какой?..

К. - Ничего! Абсолютно! Ничего не знал! Ноль! Никаких ни кружков... Поселок, ну, какое там?

Д. - Ну да. И Колмогоровского интерната не было...

К. - В те времена вообще ничего не было.

Д. - Ну да. Ну, хорошо. Ну, теперь расскажите... начало Вашей мехматовской, так сказать, карьеры.

К. - Я был, на самом деле в каком-то отношении очень счастливым человеком. В том, что у меня были прекрасные учителя. Еще до Вас! Вы были прекрасный учитель! В своем роде. Если я доберусь до этого, еще объясню. Ну, например, нам читал анализ Марк Александрович Крейнис. Вы когда-нибудь слышали его?

Д. - Конечно, я его слышал!

ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН.

К. - Может, остановить?

Д. - Не важно. Продолжайте.

К. - Вот. А это же будет разговор записываться.

Д. - Аллё! Да.

К. - Это, наверное, Боря заплутал.

Д. - О, господи! Вы совершенно по глупому едете! Вы на Бафоло стрит. В какой части Бафоло стрит? Очень сложно как-то. Э-э... Бафоло. Вы переедете на Корт. Да. Корт параллельно Бафоло. И это следующая улица. Следующая улица. И поезжайте по Корт... а-а... О, господи! Это трудно сообразить. Значит, в общем, этот Корт переходит плавно в Университи авеню. Вот Вы едете туда, туда к Университи авеню и по Юниверсити авеню Вы едете и доезжаете до того, где Университи авеню делает крутой поворот к Университету. Вместо этого Вы поворачиваете налево и второй дом от угла - мой. Это Лейк стрит. По Корт? Вы поднимаетесь вверх по Корт, ну там, на самом деле, не очень верхом. Более или менее плоско. Университи авеню. И Вы продолжаете ехать по ней. Но это поворот налево, но там другого выхода нет. Ну, и едете до пересечения с Лейк стрит. Поворачивайте на Лейк стрит и второй дом от угла. Ну, давайте. Ждем Вас. Так. Ну, ничего, что записалось. Но, это тоже близко.

К. - Это тоже, да, часть истории.

Д. - Да. Так вот рассказывайте.

К. - Вот, значит. Я, когда поступил на мехмат, - к тому времени я превзошел планетарную геометрию, стереометрию, тригонометрию - я понимал, что может быть, можно изобрести какие-то новые понятия и структуры математические и их изучать.

Д. - А Крейнис Вам, Вас...

К. - Но то, что Крейнис нам рассказывал, - это же была абсолютно, совершенно другая вещь! Это были движущиеся объекты! Это...

Д. - Он очень любил это общее определение интеграла, по частично упорядоченному множеству, что-то в этом роде.

К. - Нет, нет! Не, не, не! Ничего этого не было. Я, когда-таки... вот когда он начал читать... Причем, он читал, Вы знаете, с таким энтузиазмом! Я уверен, что он читал это в двадцатый раз, я в себе не могу найти такого энтузиазма, чтобы в двадцатый раз вот то же самое рассказывать... Это, кстати, Джин Фейбс был вот примерно такой же рассказчик и учитель! Что он сам загорался от того, что он сообщал абсолютно новое! Действительно, вот тем студентам, которые его слушали, - абсолютно новое и замечательное совершенно! Ну, я помню, как он бегал, так сказать - вот там длинный стол в 1624, да? - вот. Вот так: пробежится вот так - раз! Ногу туда по инерции, чтобы не упасть, потом сюда...

Д. - Не попадает. Садитесь, ну ладно! Это вылезает за кадр.

К. - Это была фантастика! И причем, он все сводил, вот что было тоже приятно, никогда не говорил, что ему должно быть понятно. Эпсилон и дельта. Вот...

Д. - Полная картина.

К. - Вот дал определение и мы проверяем, стремится или нет. Так вот сейчас проверим, для этого...

Д. - Для всякого эпсилон найдется ...

К. - Да-да-да! Не то, что - ну, понятно!.. Как я бы кому-нибудь...

Д. - Ну, в общем, вы его ценили.

К. - Абсолютно.

Д. - А кто еще читал на первом курсе?

К. - А -а-а...

Д. - Не помните.

К. - Нет, нет! Нам читал Смирнов аналитическую геометрию.

Д. - Но это на Вас не произвело впечатления.

К. - Это был ужас! Это был абсолютный ужас. Он на какое-то время уехал и одну лекцию нам прочитал Павел Сергеевич Александров.

Д. - Это было другое.

К. - Это было блестяще!

Д. - Ну, я помню.

К. - Просто блестяще!

Д. - Ну, правда, Смирнов - это было такое протезе Павла Сергеевича, как это называется.

К. - Ну, скучно! Но аналитическая геометрия и сама-то не очень веселая вещь, но...

Д. - Ну да. А алгебру?

К. - А алгебру нам читал на первом курсе...

Д. - Ну, не помните.

К. - Вот на втором Вы читали. Причем, Вы начали-то этот курс с...

Д. - Разве на втором была алгебра? Я не помню.

К. - А может быть, Вы читали на первом?

Д. - Наверное, на первом.

К. - Вы начали-то, Вы знаете, с чего?

Д. - Ну?

К. - Как спички из коробка вытаскивать, чтобы выиграть, а-а... Я забыл, вообще, задачу... А вот есть два... две строчки... два столбца и вы можете двигаться вниз на один или на два.

Д. - Я понимаю, да. А-а... это на идее изоморфизма таким способом.

К. - Может быть. И Вы объяснили, что надо, на самом-то деле, идти сзади, с конца! Представьте себе, что вы там!

Д. - Ну, да, да.

К. - Я не знаю, какое отношение это имеет...

Д. - Это, наверное, все-таки первый курс был.

К. - Может быть. Потом Вы нам доказывали основную теорему алгебры. Это было замечательно! Я до сих пор это помню, но не написал ни в одной из своих книг с целью присвоить...

Д. - Да.

К. - Вы помните: берете многочлен и берете точки минимума. И в точке минимума с одной стороны, так сказать, если не ноль, то производная должна равняться нулю, а тогда - ну, никак! Что там есть... оборачивается чего-то такое, но никак не получается.

Д. - Ну, хорошо. Ну, расскажите дальше, как все это развивалось.

К. - Потом, значит, был семинар Дынкина, который в те времена уже шел и я на него ходил, но у меня была такая глобальная идея, что пока я не определил свою специальность, я должен... Вернее, не определил!.. Я, когда поступал, я уже знал, что я буду заниматься вероятностью. Само слово ВЕРОЯТНОСТЬ для меня звучало магически. Но я хотел перпендикулярно, по перпендикулярному

направлению сначала как можно больше узнать. Например, я слушал годовой курс Риммановой геометрии. Которая мне никогда не пригодилась, но хотя сами понятия и вот то, что там происходит, это было полезно. Потом я как-то получил четверку у Скорнякова по алгебре, на втором курсе. Была на втором курсе алгебра?

Д. - Ну, вот это-таки я и не читал.

К. - Да. А кто же?.. Нет, Головин вел у нас упражнения.

Д. - Ну, ладно. Не помните и не надо.

К. - Ну, не Курош, это точно. Вот. Я тогда решил пойти к Скорнякову в курсовые работники. Ну, человек, чего-то такое, сурьезный! Он меня на чем-то... Он мне, на самом-то деле сказал, что я слишком долго думал. У него единственная была претензия ко мне, что я слишком долго думал. Ну... Пошел и начал заниматься теорией автоматов. Не пулеметов, заметьте. А автоматов. И даже статью написал! С этой статьей была интересная история. Я читал статью Глушкова в Докладах Академии Наук, - академик Глушкова - ЗВОНОК.

Д. - Да, да. Продолжайте рассдазывать. Я сейчас.

К. - И что-то в ней было... Я нашел в ней либо неточность, либо ошибку. Рассказал об этом Скорнякову. Скорняков Глушкову написал письмо.

Д. - Так.

К. - И Глушков тот ответил на письмо, но как Скорняков мне сказал, он этот ответ по-те-рял! По-видимому, там были ругательства. Непечатные. Вот с Глушковым была такая...был у меня такой контакт.

Розовский. - Можно к вам?

Часть 4 (без даты)

Крылов - Итака

К. - Значит, вот после прослушивания нескольких перпендикулярных курсов теории вероятностей я, наконец, да я и до этого регулярно ходил на семинар Евгения Борисовича, но тут уж я уж записался к нему в курсовые работники.

Д. - Это был 2-ой или 3-ий курс?

К. - Это был 4-ый уже курс.

Д. - Это был 4-ый.

К. - Да. На 3-ем курсе я вот как раз и был у Скорнякова.

Д. - Понятно.

К. - На 4-ом курсе, в начале курса, интересно,..

Д. - Да, Вы как занимались этими...

К. - Марковскими множествами.

Д. - Да-да-да.

К. - Вы предложили в начале года - был первый семинар - и предложили несколько задач. Ну, и я, так сказать, решил думать про эти Марковские множества и чего-то там изобразил. А потом, на самом деле, летом, когда я был на практике в Дубне, у меня было до черта времени...

Д. - Угу.

К. - И я начал думать об общей их структуре. И написал работенцию, которую, когда начался пятый курс и Юшкевич рассказывал на семинаре про Марковские случайные множества, я сказал, что я все уже сделал там. Что тоже... и поэтому тоже рассказал и мы потом с Юшкевичем написали общую статью. Она была опубликована в Трудах Московского Математического Общества номер 13-ый. Этот 13-ый номер выходил, наверное, лет пять!

Д. - Ну, это очень такое солидное издание.

К. - Да. Но там чего-то случилось и вот на номере 13-ом что-то сильно застопорилось, потому что она была, фактически, моей одной из первых работ, а она вышла отнюдь не как первая, а как не знаю уже...

Д. - Десятая.

К. - Да. Потом... на семинаре Евгения Борисовича мы изучали многие вещи. Я уверен, что Вы помните.

Д. - Но что-то помню, что-то нет.

К. - Ну, например, свойства гармонических функций.

Д. - Да, конечно. Это моя любимая тема.

К. - Да, но никаких... вот в то время... это было где-нибудь курсе на третьем еще и тогда никаких уравнений в частных производных у нас не было. И тем не менее, вот с помощью вот этих понятий гармонических функций, сферические гармоники были, разложение по полиномам по сферическим гармоникам было. И было много, исключительно много красивых вещей.

Д. - Да, это красивая область!

К. - Да. Там потом в какой-то момент появились автоморфные функции. И вот, по моему, Пятецкий-Шапиро рассказывал. И тут я как-то выпал из игры. Я не очень...

Д. - Но был параллельный семинар по группам Ли. Но может быть, это было...

К. - Это было пересечение, да.

Д. - Может быть, это было немножко позже или раньше, наоборот.

К. - В какой-то момент до 5-го курса, я уверен, Гирсанов рассказывал про задачу об оптимальном выборе невесты.

Д. - Ага.

К. - Причем, значит так. Аудитория 1403 - не очень большая и не очень маленькая. Там сидело, наверное, человек 30 в три ряда - и, значит, задача была такая: Гирсанов пытался угадать наибольший номер... номерок - сдавали же пальто в гардеробе. Значит, у каждого был номерок и нужно было угадать наибольший номер в каждом из рядов и вот, пользуясь этой самой стратегией. И он каким-то образом сделал... Он в 2-х из 3-х угадал, хотя надо было только в одном из трех по теории-то.

Д. - Ну, по теории... флуктуации...

К. - Ну да. Флуктуации. Это не такое большое число и, кроме того, он еще, может быть, и чего-нибудь и соображал. Может, он знал максимальное число, конечно, в этом гардеробе. В каждом. Вот. И тогда это меня страшно заинтересовало. Вы тогда нам читали курс, - это, я думаю, на 5-м было курсе - по управляемым Марковским цепям...

Д. - Да.

К. - Либо по остановке. Я уже забыл.

Д. - Ну да. Ну и, в общем, Вы занялись этими управляемыми...

К. - Да. Но что было? Ну, может, Вы помните? Для меня-то это было такой замечательный факт. Была консультация перед экзаменом и Вы сказали, что в Вашем курсе была ошибка. И тому, кто сможет угадать ошибку, Вы можете поставить "пять" и не нужно сдавать экзамена. Я не торопился. Я заметил эту ошибку. Ну, мало ли! Но я, может, не одну заметил, но мало ли, о чем речь. Многие пытались угадать, потом я Вам сказал. Вы сказали: "Да. Это вот она!" И я сказал, - а там была теорема о том, что для любой задачи об остановке, там вот эpsilon оптимальная будет вот такая, а на самом деле, только ограниченные нужны были функции - я Вам сказал, а Вы сказали: "Ну, вот теперь что делать? Пять! И все, и без экзамена." Я получил пятерку без экзамена! Это был замечательный случай! Замечательный подарок. Дело в том, что на 5-м курсе я ничего не делал, я женился.

Д. - Понятно. Вот. А потом, значит, вот Вы начали заниматься этими управляемыми процессами и Беллмановским управлением...

К. - Да.

Д. - И вот тут-то, собственно, и пошло Ваше увлечение частными производными...

К. - Да. Да. Но в перерыве-то что случилось... Вот 5-й курс, конец. Значит, так. Надо распределяться. А дело в том, что жена моя не москвичка, следовательно, - а она кончала на год позже и она тогда должна ехать туда, куда я распределен - и я, а хотелось остаться в Москве и я записался в ящик. А Вы мне сказали: "А чего бы не попробовать в аспирантуру?" Я говорю: "Ну, тогда неопределенная перспектива. Жена кончает, куда ее? А если ее распределят после окончания в тьму таракань. Значит, я должен тоже в тьму таракань ехать." Вы сказали: "Ну, мы посмотрим. Пойдем к Петровскому. Может быть договоримся." Я поверил. И действительно, так и было. Вы ходили к Петровскому, может, Вы и не помните, и ее... Петровский поговорил с Шемякиным и Юлю взяли стажером в институт Шемякина. И она там, пока была стажером некоторое время, я защитил кандидатскую и после этого решил ехать в Новосибирск. Там давали квартиру двух-комнатную прямо сразу в Академгородке. Но тут опять случилась интересная вещь. Было бешеное расширение мехмата! Вместо 270-ти стали принимать 450 человек. А я защитил кандидатскую до срока, до окончания аспирантуры. Ну, стали смотреть, кого можно оставить. Ну вот, например, замечательная кандидатура, только что защитился. Меня Николай Владимирович Ефимов вызывает, говорит, что де мол вот "не хочешь ли?" А жена моя была в это время в Сызрани - дело было где-то в мае, она уехала с дочкой туда - я говорю: "Это просто замечательное предложение! Но только, говорю, что мы не москвичи, прописки никакой нет, нам нужно остаться и чтобы нам дали блок в общежитии." Так, хорошо. А он говорит: "Все. Какие дела? Будет блок!" Приезжаем в сентябре. Дают нам 7 метров в блоке. Блок, на самом деле, две комнаты. Одна и другая и каждая по семь метров, а нас трое. Я, Юля и дочка. Я расстроился. Прихожу к Николаю Владимировичу и говорю: "Николай Владимирович, ведь Вы же обещали блок!" А он: "А может, я не знал, что такое блок!" Я говорю: "Николай Владимирович!!!!" Он говорит: "Ладно. Будет тебе блок." Ну, как, может, я и не

знал, говорит! Он точно не знал, что такое блок!

А как я остался в аспирантуре и как, вообще, меня рекомендовали в аспирантуру, мы уже вспоминали с Вами сегодня, но, может, это вот, чтобы записать-то. Значит, на выпускном экзамене по Истории партии, - это был решающий момент, потому что, на самом деле, по Истории партии у меня были и двойки в течение 5-ти летней учебы. Вот. И тут я - принимал такой Новиков. Ты его наверное, знал, Боря, да? Такой черный, невысокий, клоп такой со зверской мордой...

Розовский. - Много таких было.

К. - Н-е-ет! Черный, невысокий...

Д. - Ну, если въелся в печенки - запомнишь, а так...

К. - И сидел я... пара... нужно чтобы... На госэкзамене нужно обязательно, чтобы пара была: чтобы представитель департамента и вот этот. Я мелю чего-то такое... думаю, разумное. Потом он вдруг меня спрашивает, этот Новиков: "Вы" - говорит - "комсомолец?" Тьфу ты, мать честная, попал! Я понял, что я пропал, потому что вопрос-то, вообще, не по существу. Я говорю: "Нет." А он: "А Вы в бога верите?" Я говорю: "Тоже, нет." Кончился экзамен. Думаю, все, кранты. Зарезали. Выходит Евгений Борисович, говорит: "Поставили четыре." А как? Потому, что Новиков сказал- три, а Евгений Борисович: "Надо пять!"

Д. - Но это не всегда проходило!

К. - Да-да-да! Победила дружба! Так я и попал... Так я был рекомендован в аспирантуру! Потому что иначе было просто... иначе можно было бы просто забыть.

Д. - Ну, естественно.

К. - И вот когда... Но вот на вступительном экзамене в аспирантуру я получил четверку без всяких проблем! И это был первый раз... Я много раз слышал, что эти учебники - там был диалектический материализм, по-моему, на вступительном экзамене - что эти учебники надо читать по диагонали. Но только я не понимал, что это такое. И я действительно открывал страницу и читал по диагонали! Старался, ну просто, уловить хоть какие-то слова, которые на этой диагонали находятся. И, оказалось, что я уловил самую суть! И получил четверку БЕЗ ВСЯКИХ проблем!!! Это был для меня просто совершенно фантастический случай!

Д. - Да.

К. - Да-а-а... А потом чего только не было!

Д. - Ну, что-нибудь вспомните, что хочется вспомнить.

К. - Потом мы уехали... мы, поскольку не москвичи и квартиры нет, то мы поехали в Алжир заработать деньги на кооперативную квартиру. И это был 1967-68 год, когда я благополучно избежал подписантов. Если бы я был там, небось бы подписал и такое бы мне потом было! А-а... меня физически там не было.

Д. - Но там всё, в основном-то, по-моему, разве аспиранты?

К. - А я был тогда не аспирантом.

Д. - Ах, Вы...

К. - Я был распределен... я четыре года, на самом-то деле, проработал на кафедре анализа.

Д. - А, так что Вы уже преподаватель были!

К. - Да. Я уехал в Алжир после 2-го года будучи ассистентом на кафедре анализа. Вот именно, для того, чтобы...

Д. - Заработать.

К. - Деньги на кооператив заработать. Но тут опять случилось... На самом деле, уже как выяснилось после, не такая уж положительная часть. Нам ДАЛИ квартиру! Но дали не квартиру, а комнату с соседями. С одним со...

Д. - Коммунальная квартира.

К. - В коммунальной квартире был только один сосед. И, говорят, это самая страшная ситуация. Когда три - нормально. Потому что тогда, ну, вроде, третий, видит и может как-то судить. А тут только два. Кто прав, кто виноват?... И соседи попались, ну, это просто какой-то кошмар! Мы пять лет жили просто в аду, на самом деле. Когда идешь домой, начинает тебя трясти, ну что еще соседка выкинула... Ну да, подходишь к дому открывать дверь, а она изнутри заперта... поленом. Приперта поленом. Почему? Чего такое мы сделали? Понять нельзя.

Д. - Н-да. Ну, хорошо. Давайте-ка теперь немножко пускай Борис рассказывает. Вы отдохните.